Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Яз. рус. культуры, 1998.
3. Ильин И.А. Духовный смысл сказки // Ильин И.А. Художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство,1993. С. 229–241.
4. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. М.: ФЛИНТА, 2016.
5. Квашина В.В. Оценочность как языковая категория в современной лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 250–255.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. рус. культуры, 1996.
7. Петроченко М.Н. Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005.
8. English Fairy Tales and More English Fairy Tales / ed. J. Jacobs. Santa Barbara, Denver, Oxford: ABC-CLIO, 2002.
9. Celtic Fairy Tales/ ed. J. Jacobs. Bennington: Flying Chipmunk Publishing, 2009.
10. More Celtic Fairy Tales / ed. J. Jacobs. L.: D. Nutt., 1895.
11. Online Etymology Dictionary. Burd. URL: http://www.etymonline (дата обращения: 07.06.2016).
12. Wikipedia.Munster. URL: https://en.wikipedia (дата обращения: 07.06.2016).

* * *

1. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva / sost. S.G. Bocharov, prim. S.S. Averinceva i S.G. Bocharova. M.: Iskusstvo, 1979.
2. Gak V.G. Jazykovye preobrazovanija. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1998.
3. Il'in I.A. Duhovnyj smysl skazki // Il'in I.A. Hudozhnik: stat'i, rechi, lekcii. M.: Iskusstvo,1993. S. 229–241.
4. Katermina V.V. Nominacii cheloveka: nacional'no-kul'turnyj aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov): monografija. M.: FLINTA, 2016.
5. Kvashina V.V. Ocenochnost' kak jazykovaja kategorija v sovremennoj lingvistike // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2013. № 5 (21). S. 250–255.
6. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1996.
7. Petrochenko M.N. Semanticheskij komponent «svoj / chuzhoj» v fol'klornom i dialektnom bytovom tekstah: dis. … kand. filol. nauk. Tomsk, 2005.

Context as the instrument of nomination in the British fairy-tale discourse

The article represents the research of nominations of a person in the British folklore tale in the aspect of correlation of the structure of nominations with the pragmatic and connotative information contained in the nominative units. The author describes the classification of nominations according to structure signs and considers micro- and macrocontexts of nominations based on lexemes describing the naming tradition in the thematic field "person".

Key words: *fairy-tale discourse, British fairytale, nomination, semantics, pragmatics, connotation, context.*

(Статья поступила в редакцию 23.06.2016)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С. В. БИРЮЧИН
(Москва)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФАКТ И ЕГО РОЛЬ В ДИЛОГИИ В. С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» (по материалам записных книжек писателя)

Доказывается, что в процессе работы над сталинградской дилогией «Жизнь и судьба» В.С. Гроссман активно обращался к собственным записным книжкам фронтовых лет. Запечатленные в них документальные факты военной эпохи обширно отражены в дилогии и выполняют в ее пространстве ряд художественных функций: идейно-формирующую, образно-стимулирующую, оценочную, сюжетообразующую, эмоционально-воздействующую.

Ключевые слова: *документальный факт, художественная функция, дилогия «Жизнь и судьба», Гроссман.*

Характер обращения Василия Гроссмана к реальным фактам военной эпохи, первоначально запечатленным в документальных текстах, и специфика дальнейшего художествен-

© Бирючин С.В., 2016

ного отражения этих фактов в двух послевоенных романах писателя «За правое дело» (1943–1949 гг., с доработками – до 1952 г.) и «Жизнь и судьба» (1949–1960 гг.) – одна из важнейших проблем творческой лаборатории автора, которая неоднократно упоминалась литературоведами, но так ни разу и не была рассмотрена сколько-нибудь обстоятельно.

Записные книжки (1941–1945), которые Гроссман на правах специального корреспондента газеты «Красная звезда» вел на фронте в течение почти всей Великой Отечественной войны, представляют серьезную литературную ценность как документальный первоисточник последующих художественных произведений Гроссмана-прозаика. Под документом нами, согласно определению Е.Г. Местергази, понимается «устное или письменное свидетельство о каких-либо исторических, т. е. действительно бывших событиях, фактах…» [7, с. 7]. Еще не сопоставительный анализ, но лишь внимательное чтение военных дневников (в настоящей статье обращение к жанрам записной книжки и дневника будет вестись в синонимическом порядке, их разграничение в контексте данной работы непринципиально) указывает на их несомненное текстуальное родство с романами «За правое дело» и «Жизнь и судьба» и делает научно обоснованной попытку выявить механизм художественного функционирования документальных фактов в повествовательной ткани двух крупнейших послевоенных произведений Гроссмана. Это позволит по-новому посмотреть на его главную книгу – «один из величайших европейских романов XX века» [8, с. 138].

Романы «За правое дело» и «Жизнь и судьба» полагаем правомерным объединить в дилогию. В первом произведении нашли разнообразное художественное отражение многие документальные факты военного времени, обнаруживаемые в записных книжках Гроссмана. В этом смысле «Жизнь и судьба» является органическим продолжением тех творческих экспериментов, которые Гроссман проводил с документом в процессе работы над романом «За правое дело». Эта книга заслуживает литературоведческого внимания еще и потому, что без прочтения ее многие детали сюжета «Жизни и судьбы» остаются непроясненными: «единство дилогии – в предмете повествования, в непрерывности фабульных линий. Действие продолжается около года, с лета 1942 по конец весны 1943, и все сконцентрировано вокруг событий в Сталинграде» [6, с. 416]. Таким образом, нам представляется целесообразным рассматривать романы «За правое дело» и «Жизнь и судьба» – самые масштабные и объемные произведения послевоенного периода творчества Гроссмана – как связанные между собой (пусть и неравнозначные в художественном отношении) части сталинградской дилогии, которую в литературоведении нередко именуют по названию второго, более известного романа – «Жизнь и судьба».

Как показал сопоставительный анализ текстов записных книжек и сталинградской дилогии, проведенный в процессе подготовки к настоящей работе, Гроссман активно опирался в организации повествования своих послевоенных романов на пережитое лично или рассказанное другими людьми в годы войны. Формат данной статьи не позволяет произвести подробное сопоставление многочисленных текстуальных аналогий, поэтому ограничимся тезисным изложением и цитированием наиболее важных фрагментов.

Итак, документальные материалы, содержащие свидетельства о реальных фактах военной эпохи и используемые писателем в дилогии «Жизнь и судьба», выполняют в ее художественной ткани пять ключевых художественных функций.

Идейно-формирующая функция подразумевает обращение писателя к реальному факту для выражения важных в контексте данного произведения мыслей, представлений. Так, в качестве документального подтверждения существования оппозиции «фронт – тыл», связанной с идеей неравноправности положения людей во время войны, выступает описанное в записных книжках своекорыстие колхозных председателей, промышляющих незаконным агробизнесом: «Разговоры о колхозах и о председателях, которые угоняют скот далеко в степь и живут королями – режут телушек, пьют молоко, занимаются куплей и продажей (а корова стоит 40 000)» [2, с. 344]. В романе «За правое дело» эту проблему в разговоре с Даренским затрагивает возмущенный вопиющей несправедливостью старик: «Пригнали в наши степи из-за Волги скот эвакуированный, и эти самые сопровождающие каждый день телок режут, а корова – тысячи стоит. А? Это по правилу, что ли, – *один смертью умирает, а другим от войны полное удовольствие*» [3, с. 479] (здесь и далее курсив мой. – *С.Б.*).

В этой же записной книжке Гроссман цитирует свидетельство колхозницы Рубцевой: «Вели пленного через село – я спрашиваю: “Когда пошел воевать?” – “В январе”. – “Ну, значит, ты моего мужа убил, – замахну-

лась я, а часовой не пускает. – Пусти, – говорю, – я его двину”, а часовой: “Закона такого нет”. – “Пусти, я его двину без закона и отойду”. Не пустил» [2, с. 345]. В 49-й главе 3-й части «Жизни и судьбы» эта сюжетная ситуация обретает иное развитие. По сюжету военнопленные немцы выносят трупы советских людей из бывшего полевого управления гестапо в Сталинграде под пристальными взорами местных жителей. Одна из русских женщин, увидев на носилках труп девушки-подростка, пронзительно взвывает и, не в силах сдержаться, направляется к одному из пленных, чтобы в порыве ненависти ударить его, однако вместо этого неожиданно поступает иначе – достает из кармана кусок хлеба и протягивает немцу. «Как-то, лежа ночью на койке, расстроенная и злая, она вспомнила про это зимнее утро, подумала: “Была я *дура* и есть *дура*”» [4, с. 602].

Очевидно, что этот эпизод генетически связан с дневниковой записью, однако налицо трансформация ряда сюжетных деталей. Мотив мести за погибшего на фронте мужа сменяется в «Жизни и судьбе» порывом отомстить за безвинно убитую девушку («Этот крик по чужому ребенку потряс людей» [Там же]); часовой, не позволивший ударить немца, на сей раз оказывается бессилен, отступает перед несчастной женщиной («…она была сильней, чем он и его автомат» [Там же]); несостоявшееся действие сменяется реализованным поступком, который, однако, полностью противоположен исходному стремлению персонажа – вместо удара кирпичом разъяренная женщина дарит немцу хлеб. Все эти текстуальные расхождения с документальной записью венчает и проясняет финальная реплика героини. Это не просто уничижительная самооценка несчастной женщины, а авторская отсылка к идее «бессмысленной», немотивированной доброты, о которой в своем философском послании говорит несчастный богоискатель Иконников: «Она, эта *дурья* доброта, и есть человеческое в человеке, она отличает человека, она высшее, чего достиг дух человека» [Там же, с. 303]. Очевидно, отраженная в романе идея «бессмысленной доброты» представляет собой не умозрительный, с нуля придуманный автором теоретический конструкт, она прямо опирается на документальные факты, вырастает из жизненных наблюдений Гроссмана.

Образно-стимулирующая функция документа связана с тем, что свидетельство о действительно происшедшем, обладая определенным беллетристическим потенциалом, как бы нейтрализует потребность художника в вымысле и побуждает, «провоцирует» писателя на создание художественного образа, базирующегося на правде реального факта. Это положение справедливо как для поэтического изображения Гроссманом различных явлений окружающего мира, так и для изображения конкретных характеров.

Краткую документальную зарисовку, изображающую привал красноармейцев на развороченном танком немецком опорном пункте, Гроссман прямо озаглавливает в дневнике – «Картинка»: «Среди трупов сидят наши бойцы, варят в котелке ломти, срезанные с убитой лошади, протягивают к огоньку озябшие руки» [2, с. 349]. Эта запись, лишенная дополнительных комментариев, не только красноречиво иллюстрирует обыденность страшных тягот военного времени, при которой неестественное для мирной жизни превращается в норму на войне, но и неожиданно позволяет автору – уже в пространстве романного текста – изобразить, заменив действующих лиц (советских солдат – на немецких), символическую картину германского поражения, сталинградский крах разгромленного вермахта. Яркий натуралистический образ из записной книжки – разделанный труп лошади – становится в этой сцене «Жизни и судьбы» ключевым художественным символом, организующим повествование: «Шофер остановил машину возле *трупа лошади*, *лежавшего на обочине*, и стал копаться в моторе, а Ленард разглядывал небритых, озабоченных людей, рубивших тесаками *мороженое мясо*. Один солдат залез меж *обнажившихся ребер лошади* и казался плотником, орудующим среди стропил на недостроенной крыше. <…> Повар штыком окунал вылезавшие из воды *куски конины*. Солдат на крыше блиндажа не торопясь обгладывал *лошадиную кость*, похожую на невероятную циклопическую губную гармошку.

И вдруг заходящее солнце осветило дорогу, мертвый дом. Выжженные глазницы домов налились ледяной кровью, грязный от боевой копоти снег, разрытый когтями мин, стал золотиться, засветилась темно-красная пещера во *внутренностях мертвой лошади*, и поземка на шоссе заструилась колючей бронзой» [4, с. 546–547].

Мотивы холода и смерти, которые Гроссман актуализирует в этом романном отрывке посредством соответствующих образов («мороженое мясо», «заходящее солнце», «ледяная кровь», «налитые закатной кровью окна» и др.), усиливают, оттеняют впечатление, производимое ключевым символом эпизода – ле-

жащим *на обочине дороги* трупом лошади, которым довольствуются в качестве ужина жалкие, голодные, поверженные немцы, отброшенные с путей победы *на обочину истории*.

Пример иного рода. Заметка из полкового дневника, которую Гроссман цитирует в записных книжках, рассказывает о бытовом вредительстве хозяйки, пытавшейся выжить из своего жилища расквартированных у нее советских солдат: «На квартире, где расположена 6-я рота, хозяйка враждебно относится к бойцам: в чай подсыпает золы и пускает дым в квартиру» [2, с. 298]. Интересно, что писатель, судя по всему, не встречавший эту женщину в реальности, домыслил ее романный портрет в откровенно инфернальном ключе. Документальный факт «спровоцировал» художника на создание эпизодического, но запоминающегося образа: «…он жил с Голубом у плохой хозяйки, женщины *с высоким и выпуклым лбом и с выпуклыми желтыми глазами, – посмотрев в эти глаза, человеку делалось не по себе*. Чтобы избавиться от постояльцев, она напускала в избу дыма, а однажды подсыпала им золы в чай» [4, с. 113].

Оценочная функция позволяет писателю выразить с помощью документа свое отношение к тем или иным событиям, явлениям, лицам, сформулировать авторскую позицию, которая может быть проявлена в тексте с большей или меньшей степенью отчетливости. Так, если оценка писателем зверских преступлений нацистов в дилогии очевидна и ясна, то, например, позиция художника по отношению к быту советских женщин в тылу далеко не столь категорична. В одиноких женщинах, встречающихся ему в военные годы, автор обнаруживает, с одной стороны, глубокую сексуальную неудовлетворенность, с другой стороны, холодный рациональный расчет, проявляемый ими в материальных отношениях с окружающим миром. Обе эти черты, очевидно, связаны с отсутствием мужчин, отправившихся на фронт. Беззастенчивость, раскрепощение парадоксальным образом сочетаются в этих женщинах с целомудрием и стойкостью перед испытаниями судьбы. Это удивительное противоречие между следованием непристойному принципу «война спишет» и ежедневными подвигами деревенских баб в борьбе с непосильными тяготами военного времени Гроссман отмечает в своем походном дневнике: «На них навалилась *огромная тяжесть всего труда*. Нюшка – чугунная, озорная, *гуляющая*. Говорит: “Э, теперь война, *я уже восемнадцати отпустила, как муж ушел*. Мы корову втроем держим, а она только мне доить дает, а двух других за хозяек не хочет признавать. – Она смеется. – *Бабу теперь легче уговорить, чем корову*”. Она усмехается, *просто и добродушно предлагает любовь*. Хозяюшка на следующую ночь. *Сама чистота. Отвергает всякий похабный разговор*. Ночью в темноте доверчиво рассказывает о хозяйстве, о работе, приносит показать цыплят, смеется, говорит о детях, муже, войне» [2, с. 342]. В романе «За правое дело» похожую героиню встречает Крымов:

«“Соседку звала корову доить, – объяснила она Крымову чуть-чуть сипловатым голосом, – свекровь корову вдвоем с соседкой держит, а корова меня до титек не допустила, только своим дается доить! – Она рассмеялась. – *Бабу теперь легче, чем корову, уговорить!*”

<…>

Она теперь боролась за жизнь грубо, *как мужчина*. Случалось, старики и мальчишки выполняли бабью работу – вскапывали огород, пасли скотину, стерегли младенцев, а ей приходилось делать главное, *мужское дело*» [3, с. 242–243].

Гроссман вовсе не склонен подвергать критике неоднозначное поведение советских женщин, оставшихся без мужчин в военную пору. Напротив, учитывая тяжелое положение на фронте в 1941–1942 гг., он задумывается о том, сколь важное значение в общем «правом деле» обрели и какой тяжелый труд в тылу выполняли матери, жены, сестры, дочери, имевшие все основания быть недовольными результатами мужской работы – ходом войны.

Тщеславие командиров, их честолюбивая жажда наград и признания при полном забвении заслуг подчиненных, оправдание собственных неудач посредством обвинений в адрес сослуживцев – печальный документальный факт, спроецированный в роман «Жизнь и судьба». Одна из дневниковых записей Гроссмана, в которой писатель аккумулирует подобные наблюдения, практически целиком состоит из командирских цитат и построена на лексических повторах: «Вечное: “*Сосед* слева”… “*Сосед* справа”… “*Сосед* подводит”… “*Сосед* опоздал”… “*Сосед* наврал в донесении”. “Ох, *сосед, сосед*”… “Это *мои* трофеи”… “Это *мои* зенитчики сбили немца, а упал он к соседу, и *сосед* заявляет, что это он сбил”… “Беда с *соседями*”…» [2, с. 309]. В «Жизни и судьбе» эта привычка перекладывать ответственность на другого отражена в краткой, но красноречивой реплике командира гаубичного полка: «Есть еще такой простой

прием, – сказал Лопатин. – В случае успеха все приписывать себе. А неуспех валить на соседа» [4, с. 376].

Сюжетообразующая функция предполагает прямое участие документа в формировании событийного ряда произведения, в организации повествования. Так, из реальных фактов выросли многие эпизоды сюжетных линий Крымова и Новикова.

В военном дневнике Гроссмана содержится следующая запись: «Чэпэ. Приговор, расстрел. Раздели, закопали. Ночью он пришел в часть в окровавленном белье. Его снова расстреляли» [2, с. 368]. Эта скупая конспективная заметка, состоящая всего из пяти предложений, четыре из которых – односоставные (два назывных и два неопределенно-личных), трансформируется в одну из наиболее шокирующих историй «Жизни и судьбы». Пребывание Крымова в советской тюрьме, по сюжету романа, сопровождается глубинными изменениями в мировоззрении старого революционера, подрывом его прежних представлений о самом себе и окружающем мире. Основанная на документе история недобитого солдата, выбравшегося из могилы и добровольно вернувшегося к своим, не сумевшим убить его с первой попытки, – еще одно потрясение, которое арестованный комиссар испытывает в новой, тюремной жизни. Рассказывает эту историю Крымову часовой: «Повели самострела на расстрел, он стрельнул себе через буханку хлеба в левую руку. Расстреляли, присыпали землей, а он ночью ожил и обратно к нам пришел. <…> Земля мерзлая, разгребут бурьян, присыпят кое-как и пошли. Ну, ясно же, он вылез! Если б его закопать *по инструкции*, он бы никогда не вылез» [4, с. 462].

Перенесенный из записной книжки, в тексте романа сюжет о самостреле расширяется Гроссманом до нескольких подсюжетов – это и рассказ о преступлении и наказании «маленького человека», и потрясающее воображение «воскрешение из мертвых», и не менее невероятное покорное возвращение выжившей жертвы к своим палачам. О чем мыслит человек, которого, по всей видимости, ждут повторный расстрел и новая могила, представить невозможно. «Крымову жутко потому, – предполагает И.Т. Касавин, – что в откровениях неграмотного вертухая он увидел собственную обнаженную до непригодности волю, поставленную на службу кровожадному и лицемерному зверю – тоталитаризму» [5, с. 33]. Однако еще более показателен третий субъект действия – часовой, выполняющий в этой сцене роль своеобразного проводника между Крымовым и самострелом и находящийся, в отличие от них, по ту сторону закона, представляющий собой государство. Рассуждающий о «халтурной» работе палачей, которые не могут закопать приговоренного «по инструкции», и заботящийся о финансовых затратах хозчасти на «списанного в расход», этот надзиратель является носителем возведенного в абсолют, а по сути – доведенного до гротеска бюрократического мышления, для которого оперирование терминами вне всевозможных инструкций и предписаний – даже в экстремальных условиях военного времени – уже непредставимо.

В дневниковой записи беседы Гроссмана с генералом Беловым содержится следующая цитата: «И в бою, и в целой операции есть момент, когда нужно подумать: бросаться ли вперед, кидать все резервы или, наоборот, остановиться. У нас иногда любят командовать так: “Вперед, вперед!”» [2, с. 407]. В «Жизни и судьбе» этот вопрос обретает яркое художественное отражение в психологически напряженной сцене (одной из ключевых в романе), в ходе которой полковник Новиков, несмотря на жестокое давление армейского и политического начальства (включая самого Сталина), намеренно задерживает наступление своего танкового корпуса во время решающего момента Сталинградской битвы. В этом эпизоде прямо сталкиваются два противоположных взгляда на правомерность людских жертв в условиях, когда массовых смертей можно избежать. Если комиссар Гетманов, опасаясь гнева вышестоящих чинов, стремится во что бы то ни стало пустить танки в бой, нисколько не заботясь о судьбе корпуса, то Новиков, видя опытным глазом бывалого командира реальный шанс сберечь и «живую силу», и технические ресурсы без ущерба для исхода операции, стремится, вопреки приказу Ставки, реализовать эту возможность. Поскольку принимать судьбоносное решение и непосредственно отвечать за него в данный момент должен Новиков, Гетманов временно уходит на второй план, в решающее мгновение боя отступает перед командиром корпуса. Новиков, не сдавшись под напором высоких чинов, в конечном счете сберегает и людей, и машины, т. е. принимает во всех отношениях верное решение. Однако уже по завершении операции, несколько романных глав спустя, Гетманов, невзирая на успех дела, хладнокровно доносит на Новикова за самочинную задержку операции, расцененную как дерзкое ослушание начальства: в условиях ликвидированной угро-

зы, когда внешний враг уже не страшен, комиссар мстит полковнику и берет у последнего желанный «реванш» с помощью привычных для себя методов.

Эмоционально-воздействующая роль документа состоит в использовании его художником для вызова у читателя определенных душевных переживаний, чувств, ощущений. Эмоциональный фон дилогии неразрывно связан с тоской и ужасом, однако документ выступает в сталинградской дилогии не только как трагическое свидетельство о горестях военного времени, но и в противоположном качестве – как инструмент создания юмористических эпизодов. Проникнутая печалью дилогия «Жизнь и судьба» в целом не отличается высокой концентрацией смешного, однако Д.Л. Быков все же преувеличивает, говоря о том, что «проблема гроссмановской книги – по-набоковски говоря, полное отсутствие улыбки» [1, с. 89].

В дневнике писателя содержится следующая запись: «У-2 сбрасывают продукты нашим войскам ночью. Мы обозначаем передний край плошками, которые зажигают на дне окопов. Командир роты Хренников забыл обозначить передний край, вдруг из тьмы небес хриплый голос: “Эй, хрен, ты скоро зажжешь плошки?” – Летчик с выключенным мотором. Хренников говорит, что на него это произвело страшное впечатление. Этот голос с неба, назвавший его фамилию» [2, с. 353]. Эффект комического достигается здесь посредством: а) фонетического совпадения, при котором человек ошибочно принимает обсценное слово за вариацию собственной фамилии и оттого полагает, что к нему обращаются с небес; б) несовпадения мистического, сверхъестественного ощущения с разоблачающим его прозаическим источником этого чувства. В «Жизни и судьбе» эта курьезная документальная история воспроизводится практически в первозданном виде: «…вдруг с неба раздался сердитый, злой голос: “Эй, хрен, чего плошек не зажег?”

Хренов на миг ошалел – кто это на небе знает его фамилию, даже убоялся, а потом оказалось – это кукурузник-летчик выключил мотор и над самой головой планирует; видно, для дома “шесть дробь один” хотел сбросить продукты и сердился, что не наметили передний край» [4, с. 320].

Пример вызова эмоций иного рода. Ряд странных, удивительных историй Гроссман вплетает в воспоминания Новикова, намеренно соединяя в памяти своего героя несочетаемое – странное, страшное, смешное – с целью показать жизнь человека на войне во всей ее противоречивой полноте. В романе читаем: «Во время завтрака в штабном батальоне обнаружена в супе лягушка… Младший лейтенант Рождественский, образование 10 классов, чистил автомат, ранил случайным выстрелом в живот товарища, после чего младший лейтенант Рождественский сделал самоубийство. Красноармеец мотострелкового полка отказался принять присягу, сказал: “Присягать буду только в церкви”» [Там же, с. 161]. Все эти истории не вымышлены Гроссманом, а позаимствованы из полковых и дивизионных дневников. В записной книжке содержится документальная цитата: «Красноармеец Голяперов заявил: “Буду принимать присягу только с крестом”. <…> Младший лейтенант Евдокимов (1922 года рождения, образование 10 кл., комсомолец) случайно ранил в живот младшего лейтенанта Зорина, после чего мл. лейтенант Евдокимов сделал самоубийство» [2, с. 300]. Из дневника Донбасской дивизии переписан еще один удивительный факт: «В штабной батарее, во время завтрака, в супе была обнаружена лягушка» [Там же, с. 307]. Как видно из сопоставления текстов записных книжек и романа, дневниковые фрагменты использованы автором практически без изменений: даже казенная служебная формулировка «сделал самоубийство» перенесена в воспоминания Новикова дословно.

В завершение следует отметить, что рассмотренные выше художественные функции документа вовсе не существуют в художественном пространстве дилогии «Жизнь и судьба» автономно. Напротив, каждая из них органично слита с другой (женщина, протянувшая хлеб немцу, не только олицетворяет *идею* «бессмысленной доброты», но и представляет собой яркий *образ*; эпизод с самострелом не только развивает *сюжетную* линию Крымова, но и *эмоционально воздействует* на читателя и т. д.) и работает на общее художественное целое.

Список литературы

1. Быков Д.Л. Василий Гроссман // Дилетант. 2012. № 11. С. 86–92.

2. Гроссман В.С. Записные книжки // Гроссман В.С. Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 244–457.

3. Гроссман В.С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. За правое дело. М.: Аграф: Вагриус, 1998.

4. Гроссман В.С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Жизнь и судьба. М.: Аграф: Вагриус, 1998.

5. Касавин И.Т. Штрихи к образу. Индивидуальная культурная лаборатория Василия Гроссмана // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 13–36.

6. Маркиш Ш.П. Пример Василия Гроссмана // Гроссман В.С. На еврейские темы: Избранное: в 2 т. Иерусалим: Библиотека Алия, 1985. Т. 2. С. 341–489.

7. Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн / Non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007.

8. Пшебинда Г. Василий Гроссман – Сократ из Бердичева // Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше / авт. пер. с польск.; ред. Я. Охонько. М.: РГГУ, 2013. С. 129–144.

* * *

1. Bykov D.L. Vasilij Grossman // Diletant. 2012. № 11. S. 86–92.

2. Grossman V.S. Zapisnye knizhki // Grossman V.S. Gody vojny. M.: Pravda, 1989. S. 244–457.

3. Grossman V.S. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1. Za pravoe delo. M.: Agraf: Vagrius, 1998.

4. Grossman V.S. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2. Zhizn' i sud'ba. M.: Agraf: Vagrius, 1998.

5. Kasavin I.T. Shtrihi k obrazu. Individual'naja kul'turnaja laboratorija Vasilija Grossmana // Voprosy filosofii. 2000. № 7. S. 13–36.

6. Markish Sh.P. Primer Vasilija Grossmana // Grossman V.S. Na evrejskie temy: Izbrannoe: v 2 t. Ierusalim: Biblioteka Alija, 1985. T. 2. S. 341–489.

7. Mestergazi E.G. Literatura non-fikshn / Non-fiction: Jeksperimental'naja jenciklopedija. M.: Sovpadenie, 2007.

8. Pshebinda G. Vasilij Grossman – Sokrat iz Berdicheva // Mezhdu Krakovom, Rimom i Moskvoj. Russkaja ideja v novoj Pol'she / avt. per. s pol'sk.; red. Ja. Ohon'ko. M.: RGGU, 2013. S. 129–144.

Documentary fact and its role in the duology by V.S. Grossman "Life and Fate" (based on the notes by the author)

It is proved that in the process of work on the Stalingrad duology "Life and Fate" Vasily Grossman referred to his own notes of the war years. The documentary facts of the war epoch fixed there are widely reflected in the duology and fulfil a number of artistic functions: idea forming, image stimulating, evaluation, plot forming, emotional impact.

Key words: *documentary fact, artistic function, duology "Life and Fate", Grossman.*

(Статья поступила в редакцию 01.07.2016)

В.Г. СЕМЕНОВА
(Якутск)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ А.И. СОФРОНОВА-АЛАМПЫ

Исследуются генеалогические корни одного из основоположников якутской литературы А.И. Софронова-Алампы. Изучены легенды и исторические предания о предках писателя, оставивших свой след в истории народа саха. В генеалогических истоках личности классика выявляются основы необычной судьбы, предрасположенность к творческому мышлению.

Ключевые слова: *биография, генеалогия, Алампа, легендарные герои, художественный дар.*

Сегодня во всем мире биографические исследования, жизнеописания выдающихся писателей, исторических личностей, известных деятелей культуры стали одним из самых читаемых литературных жанров. «Подобные труды, – писал в свое время Н.Ф. Бельчиков, – способствуют движению вперед научной мысли, поднимают уровень познания жизни и творчества того или иного писателя» [5, с. 199]. В последние десятилетия, связанные с демократизацией общества и проведением реформы образования, в отечественном литературоведении жанр научной биографии стал активно развиваться. Появились крупные работы А.Л. Валевского [6], А.А. Демченко [8], А.А. Холикова [25] и др., раскрывающие специфику исследований биографий писателей, где научная биография выступает как один из способов познания и реконструкции творческой личности в ее становлении и развитии.

Известно, что талант, художественное дарование даются человеку природой. Литературовед Л.Я. Зивельчинская в работе «Заметки о литературном мастерстве» отмечала: «Для того, чтобы стать поэтом, необходимо, прежде всего, родиться с поэтическим талантом, то есть способностью воспроизводить мир по-новому, в образах. Иначе говоря, существует естественная основа литературно-художественного таланта» [11, с. 5]. Важную роль изучению индивидуальности, «внутреннему складу» творческой личности придавал и Б.О. Костелянец, отметивший, что «в искусстве большую роль играет не только талант

© Семенова В.Г., 2016